

**Экспертное заключение**  
**по запросу судьи Конституционного Суда РФ Жилина Г.А. в связи с**  
**находящейся в производстве Конституционного Суда РФ жалобой**  
**гражданки N о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29,**  
**пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса РФ**

Обстоятельства дела:

На изучение экспертов были представлены материалы (60 л.) жалобы гражданки N о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). Из материалов представленной на изучение жалобы усматривается следующее.

11 ноября 2010 года Петродворцовый районный суд Санкт-Петербурга признал гражданку N недееспособной на основании ст. 29 ГК РФ. Признание гражданина недееспособным имеет следствием ограничение лица как во всех гражданских правах, включая право распоряжаться пенсией и иными доходами, право совершать сделки, в том числе мелкие бытовые, так и в правах иной отраслевой природы, как то: право на вступление в брак, право на участие в выборах, право на самостоятельную защиту своих прав путем обращения в суд.

В то же время, по заключению специалистов, N страдает лишь легкой умственной отсталостью, которая не влияет на ее способность понимать значение своих действий и руководить ими в сфере «гражданско-правовых отношений, касающихся бытовых сделок (знает размер получаемой части пенсии, может распоряжаться деньгами как в непосредственно-практическом смысле (для приобретения нужного ей), так и в долговременном (планировать расходы на отдаленный период для оплаты поездки за пределы интерната, такси), понимает, что значит «отдать долг и получить долг», понимает механизм покупок (лист жалобы 3).

Руководствуясь ст. 100 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» заявительница просит Конституционный суд Российской Федерации:

Признать не соответствующими Конституции Российской Федерации нормы: пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 ГК РФ.

В соответствии с частью 3 статьи 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Нормы об ограничении дееспособности преследуют две цели:

1) они необходимы для защиты нравственности, поскольку безнравственно применять в отношении лица, неспособного осознанно участвовать в гражданском обороте, те же требования, что и в отношении обычных участников гражданского оборота;

2) они защищают права и законные интересы лиц, вступающих в отношения с лицом, неспособным самостоятельно участвовать в гражданском обороте.

Степень ограничения прав и законных интересов субъектов права должна быть соразмерна указанным целям. Постольку необходимость в ограничении возможности лица самостоятельно осуществлять права и создавать для себя обязанности различна в зависимости от обстоятельств дела, поскольку законодатель должен учесть это различие при создании механизма регулирования отношений с участием таких лиц. В частности, учесть существенное различие между фактическим положением душевнобольного с одной стороны и лица, страдающего психическим расстройством, с другой.

Между тем, это различие учтено только в норме ст. 30 ГК РФ (лицо, которое вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставит свою семью в тяжелое материальное положение, ограничивается в дееспособности с сохранением возможности участия в гражданском обороте путем совершения мелких бытовых сделок.). Для граждан же, имеющих расстройство психики, выражающееся в иных последствиях, альтернатива полному лишению дееспособности отсутствует. Ограничение прав, несоразмерное допустимым в соответствии с Конституцией РФ целям такого ограничения, является неконституционным.

Действующий закон не позволяет суду при вынесении решения о признании гражданина недееспособным в зависимости от особенностей психического расстройства гражданина учитывать степень нарушения его способности самостоятельно понимать значение своих действий и руководить ими в конкретных сферах деятельности. Последствием таких решений в соответствующих случаях является неизбежная дискриминация граждан по состоянию здоровья и отсутствие для них возможности участвовать в гражданских отношениях наравне с другими лицами. Таким образом, отсутствие закрепленной в законе возможности частичного ограничения дееспособности в зависимости от степени психического расстройства личности противоречит конституционному принципу равенства и запрета дискриминации (ст. 19 Конституции РФ).

В поддержку позиции заявительницы следует сослаться на Стандарты Совета Европы в сфере дееспособности, сформулированные в Рекомендации № R(99)4 Комитета Министров Совета Европы, и в частности на приведенное в жалобе заявительницы положение: «законодательные принципы регулирования должны признавать, насколько это возможно, существование различных степеней недееспособности, а также возможность изменения характера недееспособности с течением времени».

При формулировании вывода по исследуемой проблеме необходимо учесть решение по знаменитому делу «Штукатуров против России» от 28 марта 2008 года, в при рассмотрении которого Европейский Суд по

правам человека (далее — ЕСПЧ) пришел к выводу о нарушении Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод, участницей которой Россия является. В решении по указанному делу ЕСПЧ указал, что российское законодательство не предусматривает «ответа, соответствующего индивидуальным потребностям лица», поскольку ГК РФ проводит различие между полной дееспособностью и полной недееспособностью, однако он не допускает «пограничной» ситуации, за исключением лиц, страдающих от алкогольной или наркотической зависимости».

Заявительница справедливо обращает внимание на важное обстоятельство: в иных правопорядках предусматривается более гибкий подход к решению вопроса о лишении и ограничении дееспособности лиц, страдающих тем или иным психическим расстройством, во многих из них вообще не существует понятия «полная дееспособность», а в том случае, если такое понятие существует, в законодательстве предусмотрена возможность ограниченной опеки.

Вывод:

Действующие нормы гражданского права, регулирующие отношения по признанию гражданина недееспособным, противоречат Конституции РФ, поскольку необоснованно умаляют права граждан, имеющих такие психические расстройства, которые не лишают указанных граждан способности самостоятельно понимать значение своих действий и руководить ими в конкретных сферах деятельности, и противоречат конституционному принципу равенства и запрета дискриминации. Нормы гражданского законодательства РФ о признании гражданина недееспособным нуждаются в пересмотре с тем, чтобы создать для каждого гражданина максимальную с учетом индивидуальных особенностей имеющихся у него заболеваний возможность участия в гражданском обороте.

В связи с поступившей в Конституционный Суд РФ жалобой обращаем внимание Суда на то, что, поднятая в жалобе заявительницы проблема отнюдь не единственная в сфере регулирования отношений по ограничению дееспособности. Дело в том, что полноценному участию некоторых граждан в гражданском обороте препятствуют не только психические, но и иные заболевания.

Так, законодательством РФ не урегулированы отношения, возникающие в связи с нахождением лица в коме, с неспособностью лица, отдающего отчет происходящему, выразить волю на совершение сделки (вследствие обездвиживания и т.п.). Отсутствие адекватного регулирования в описанных ситуациях затрагивает права не только граждан, находящихся в таком состоянии, но и других лиц (например, при совершении сделки в отношении имущества, находящегося в общей собственности).

Давно назрел вопрос о дополнении статьи 30 ГК РФ основанием ограничения дееспособности, известным еще дореволюционному законодательству России, таким как злоупотребление азартными играми.

Патологическая склонность к азартным играм (лудомания, игромания) признается Всемирной организацией здравоохранения заболеванием, которое приводит к невозможности человека полностью руководить своими поступками. В настоящее время это заболевание получило распространение в России, в связи с чем интересы лиц, страдающих таким заболеванием, и интересы членов семей этих лиц нуждаются в защите.

Целесообразно, чтобы при создании более гибкой системы норм о признании гражданина недееспособным и ограниченно дееспособным законодатель обратил внимание и на перечисленные проблемы, дестабилизирующие гражданский оборот.

Руководитель Центра экспертиз

А.В.Гоголевский